

Он прекрасно знал, что его брат прибыл в Лоян, ведь именно он, под давлением Красавца, сам написал письмо с просьбой о помощи. В одиночку он не справлялся с ситуацией, и с поддержкой брата шаньюй, несомненно, встал бы на их сторону. Улэйжо, разгневанный до красноты в глазах, швырнул кнут и шагнул вперёд, нанося яростный удар. Иэрдань, однако, не остался в долгу, едва не вступив в схватку с братом, и с яростью произнёс:

— Яньчжи хочет быть со мной!

Улэйжо, видя, что брат всё ещё упрямится, почувствовал острую боль в сердце и выкрикнул:

— Ты всё ещё осмеливаешься говорить об этом! Если с тобой или с ним что-то случится, как я объяснюсь перед отцом?!

Иэрдань лишь презрительно фыркнул:

— Я готов отдать жизнь за Яньчжи, тебе не понять!

— Иэрдань!

Улэйжо, действительно разозлённый, смотрел на брата с болью в глазах, крича:

— Ты, не думая о собственной жизни, пришёл сюда на верную смерть, разве ты задумывался о том, что чувствую я и наш старший брат?

Иэрдань упрямо ответил:

— Если я умру, тебе же лучше, не будет никого, кто мог бы тебе соперничать.

Улэйжо снова ударил его, но затем внезапно обнял, сдавленно прошептав:

— Отец не позволит тебе так поступать, и я тоже не позволю!

Глаза Иэрданя покраснели, и, оказавшись в объятиях брата, он вдруг почувствовал, как всё его негодование и зависть растворяются. Если бы он действительно последовал за Яньчжи в ханьский дворец, возможно, его брата сейчас ждала бы лишь груда костей. Яньчжи был добр, Яньчжи был милосерден и не позволил ему погибнуть.

Братья примирились во дворе, и Улэйжо похлопал брата по спине, с досадой сказав:

— Немедленно возвращайся со мной.

Иэрдань отстранился и сел на каменную скамью, бледный, но твёрдо заявил:

— Я не могу вернуться, я ещё не выполнил обещание, данное Яньчжи.

Улэйжо с разочарованием посмотрел на закрытые двери дома и, не в силах сдержать себя, выкрикнул:

— Немедленно возвращайся! Я больше не позволю тебе рисковать здесь!

Иэрдань отказался:

— Я не уйду, я обещал Яньчжи!

Улэйжо был вне себя от ярости. Никто не слушал его, все поступали как хотели. Разве ханьский дворец был местом, куда хунну могли просто так войти? Сам ханьский император едва справлялся с ситуацией, он не мог позволить себе потерять брата и жену. В последней попытке он пошёл на компромисс:

— Ты и Уцина немедленно возвращаетесь! Я останусь.

Иэрдань, конечно, не согласился, упрямый, как дикий бык, с покрасневшими глазами заявил:

— Ты уходи с Яньчжи, я останусь один.

— Иэрдань!

—

Красавец всё это время прятался за дверью, подслушивая разговор братьев. Услышав, что его просят уйти, он робко открыл дверь и тихо произнёс:

— Я не уйду, я должен спасти брата...

—

—

Братья замолчали, а Красавец, охваченный стыдом, вдруг упал на колени перед ними, рыдая и кланяясь:

— Пожалуйста... не заставляйте меня уходить, умоляю вас.

Иэрдань быстро поднял его, уже отказавшись от жизни и достоинства принца, встав на сторону Красавца, умоляя брата:

— Улэйжо, перестань его давить.

Если бы Улэйжо не скрывал от него новости о ханьском императоре, Яньчжи не последовал бы за ним. Улэйжо, разгневанный, сел на каменную скамью, с мрачным лицом, временно не желая видеть этого бестолкового брата.

Красавец, всхлипывая, был отведён Иэрданем в комнату, где тот уложил его на кровать, холодно предупредив:

— Не упоминай Чжао Цзюэ перед моим братом.

Красавец покорно кивнул, а Иэрдань, воспользовавшись моментом, добавил:

— И не смей больше сближаться с моим братом, теперь ты мой.

Красавец снова покорно кивнул. Иэрдань щипнул его влажное личико, удовлетворённо вышел из комнаты, размышляя, как обмануть Улэйжо, чтобы тот помог ему через посланников шаньюя спасти того, кто находился в глубинах дворца.

Улэйжо всю ночь пил в одиночестве, слушая план, который его брат разработал за это время. У него не хватало людей, и он мог рассчитывать только на помощь двух братьев, планируя, как убить тайвэя. Улэйжо, выслушав его долгие объяснения, сразу же отверг:

— Что изменится, если мы убьём Цзинь Мана? Даже если он умрёт, в правительстве останутся его многочисленные приспешники. Это только спровоцирует хаос и поставит Чжао Цзюэ в ещё большую опасность.

Иэрдань помрачнел. Половина чиновников в правительстве были сторонниками Цзинь Мана, и он не мог придумать более хитроумного плана. Неужели нужно убить всех? Улэйжо не хотел связываться в эту путаницу, но его жена настаивала, уговорив брата пойти против него. Что он мог сделать?

Жена его сильно разочаровала, она была слишком неразумна.

Улэйжо был крайне раздражён, видя, что брат тоже выглядит озабоченным, и спросил:

— Чжао Цзюэ знает, что ты ему помогаешь?

Лицо Иэрданя стало мрачным, как выгребная яма. При упоминании Чжао Цзюэ он чувствовал лишь раздражение. Если бы не Красавец, он бы с радостью оставил Чжао Цзюэ умирать голодной смертью, чтобы тот поскорее отправился на небеса и поссорился с их отцом. Конечно, он не собирался сообщать Чжао Цзюэ, что Красавец ещё жив, ведь это уже несколько дней мучило его. Улэйжо сказал:

— Пошли Чжао Цзюэ сообщение, пусть сам ищет выход, мы можем лишь помочь со стороны.

Когда Иэрдань получил ответ из ханьского дворца и сообщил об этом брату, его спину прошиб холодный пот, и он с удивлением произнёс:

— Как может быть на свете такой жестокий человек.

— Чжао Цзюэ хочет, чтобы всё правительство погибло вместе с ним!

Улэйжо, выслушав план, переданный из дворца, почувствовал внутренний трепет. Безжалостность — признак настоящего мужчины, и Чжао Цзюэ был доведён до предела.

В ночь пира все напитки были отравлены, ни один чиновник не избежал участи. Даже те, кому удалось избежать смерти в огне, погибли от яда. Сам император, выпив отравленное вино, несмотря на предварительно принятое противоядие, почувствовал мучительную боль, но, сдерживаясь, вернулся в Западный дворец, где вызвал рвоту и избавился от яда.

Тайфу также выпил полбокала отравленного вина, и, хотя позже его вырвало, это оставило в нём болезнь. Среди присутствовавших на пиру чиновников были и честные, но им просто не повезло — они погибли вместе с мятежниками.

Чжао Цзюэ, когда-то ради своей чжаои, не решался отравить всех чиновников, не решался отравить весь народ. Теперь же, когда его чжаои «умерла», что ему мешало?

Летом седьмого года правления ханьского императора в ханьском дворце вспыхнул пожар, унёсший жизни всех чиновников. По официальной версии, их тела не успели вынести, и император приказал сжечь их повторно, пока они не стали неузнаваемыми, после чего их забрали родственники.

Козлом отпущения стал Цзинь Ман. Его спасли посланники хунну и заключили под стражу. Император издал указ: Цзиньский князь, регент Цзинь Ман, восстал против трона, замыслил узурпацию, казнить всех членов его семьи.

Как только указ был обнародован, вся страна пришла в ужас, и Цзинь Мана повсюду проклинали. Ради того, чтобы убить императора, он не пожалел даже чиновников, пожертвовав всем правительством ради своих амбиций. Ханьский император всегда пользовался хорошей репутацией в народе, и, несмотря на слухи, люди продолжали молиться за него и переживать за страну. Их император, пострадавший в пожаре, получил травмы, и его лицо было изуродовано.

Первый красавец империи, изуродованный мятежниками, вызвал волну гнева и скорби среди народа. История о том, как император чудом выжил в пожаре, стала легендой, а песни из Лояна распространились по всей стране, воспевая: Ханьский император — истинный Сын Неба, мудрый правитель, пока он жив, страна будет процветать!

Император мастерски создал себе образ праведника, укрепив свою власть. Тайфу, лежа дома и восстанавливаясь после болезни, мечтал поскорее умереть.

Император был поистине жесток!

Командир императорской гвардии был посмертно подвергнут порке, а его семья казнена. Даже предки, похороненные в родовом склепе, были выкопаны и подвергнуты порке под полуденным солнцем, их тела облили навозом. Императорская гвардия осталась без руководства, и все жили в страхе.

Император совершил великое злодеяние. Двадцать тысяч гвардейцев были выведены за пределы Лояна и окружены войсками, которые разоружили их и заставили выкопать ямы вокруг императорского мавзолея, после чего всех заживо похоронили. Среди них были и знатные юноши, никто не избежал участи. Вокруг мавзолея поднялся зловещий ветер, и раздавались стоны духов. Драконья жила была использована для подавления злых сил, а страна — для защиты власти императора.

Кто не подчинялся приказам, лишался головы.

С тех пор характер императора резко изменился. Он отошёл от прежней доброты и мудрости, став деспотичным и жестоким, лично занимаясь подготовкой своей гвардии. Но это уже другая история.

<http://bllate.org/book/16253/1462268>